
Шарлотта Эйзинбург
ОСЕНЬ
подарила мне тебя

Шарлотта Эйзинбург

Осень подарила мне тебя

«Литнет»
2026

Эйзинбург Ш.

Осень подарила мне тебя / Ш. Эйзинбург — «Литнет», 2026

Я мечтаю стать дизайнером, но реальность не оставляет выбора: на мне пьющая мать и сестра, которой жизненно необходимы дорогие лекарства. Ради них я согласилась на подработку на закрытом приеме, но, подписав контракт не глядя, сама захлопнула ловушку. Теперь я обязана подчиняться любым желаниям гостей в масках, иначе окажусь в долговой яме. Выбора нет, я должна идти за незнакомцем. Но самое страшное — среди этого кошмара я встретила взгляд, который, кажется, мне знаком.

© Эйзинбург Ш., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 17
Глава 8 19
Глава 9 21
Глава 10 23
Глава 11 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Глава 1

Торопливо разливаю горячий чай по кружкам, нервозно бросая взгляд на старенькие бабушкины настенные часы.

— Ксюш, давай скорее за стол, — ставлю чайник на газовою плиту и пододвигаю к кружке сестры тарелку с бутербродами.

— Ясь, какая красота, — сестра останавливается в дверном проёме с небольшим клочком бумаги. — Это ты когда нарисовала?

— Вчера пока на смене в кофейне была, — вытираю мокрые ладони о джинсы и беру рисунок. Простой набросок тушью, сделанный вчера в кофейне в минуту затишья. — Так, ерунда. Линия пошла криво, — бурчу, откладывая бумажку, но внутри теплеет от её восторга.

Мне никогда до конца не нравятся мои работы, а сестра всё хвалит. Говорит у меня талант. Наверное, без её поддержки я бы никогда не решилась поступить на графического дизайнера.

Ксюша плюхается на стул, её пальцы дрожат, когда она тянется за кружкой.

— Ты сегодня на смене? — голос тихий, виноватый.

— Да, — откусываю кусок бутерброда, почти не чувствуя вкуса. — Таблетки выпила? Сколько осталось?

— До конца недели, — пожимает плечами и опускает глаза в пол. — Ясь…

— Да?

— Мне так неудобно. Через полгода мне исполнится шестнадцать, я найду работу, буду помогать...

— Ксюша, хватит, — моя рука накрывает её хрупкую ладонь. — Ты ни в чём не виновата.

— Но вы с мамой сутками работаете и всё из-за меня. Ты же такая молодая, тебе наверняка хочется как твои одногруппницы гулять по парку, ходить на свидания, есть мороженое.

— Я мороженое не люблю, — парирую, заставляя уголки губ дрогнуть в подобии улыбки. — А свидания... ещё успеются. Сейчас важнее ты.

— Правда? — поднимает наполненные слезами глаза, её губы дрожат.

— Ну конечно, дурочка, — треплю её как меленькую за щёчки и прижимаю к себе хрупкое тело.

Три года! Три года как сестре вынесли страшный приговор. Легочная артериальная гипертензия. С этим заболеванием можно жить, но только при должном лечении. Лекарства для Ксюши стоят не маленьких денег, на них уходит вся моя зарплата из кофейни и стипендия. На еду, коммунальные и одежду даёт мама и это жалкие крохи, учитывая, что она простой кассир в местном супермаркете.

Папа бросил нас, как только сестре поставили диагноз. С болью в сердце вспоминаю тот день и покрываюсь липкими мурашками. Он не смог принять тот факт, что теперь всей семье придётся объединить усилия и работать, чтобы Ксюша могла жить. Мама долго находилась в депрессии, а потом как часто это бывает начала пить. Запои у неё случаются раз в месяц. В остальные дни она старается вести нормальную жизнь и поддерживать нас с сестрой.

Я же параллельно с учёбой в университете подрабатываю в кофейне, иногда беру небольшую удалённую работу по графическому дизайну. Наверное, не стоит говорить, что здоровый сон, вкусная еда, прогулки с друзьями, свидания это всё проходит мимо меня… Но у меня нет другого выбора.

— Ксюш, доедай и собирайся в школу, — убираю свой недопитый чай в раковину. — А мне на пары пора. У нас новый преподаватель, боюсь опоздать.

— Удачи, Ясь, — Ксюша заталкивает бутерброд в рот и запивает чаем.

Натягиваю выцветшие от стирки джинсы, простую футболку. Лямка рюкзака больно впивается в плечо. На секунду замираю в прихожей, взгляд цепляется за пустую бутылку из-под вина, припрятанную за тумбочкой. Мама... Снова. Сжимаю кулаки и с силой встряхиваю головой, прогоняя тяжёлую мысль.

Выскакиваю на улицу. Утренняя осенняя прохлада освежает уставшее лицо. Останавливаюсь, поднимаю лицо к серому небу и шепчу в пустоту, словно заклинание:

— Хочу, чтобы нам стало хоть чуточку легче. Просто хоть чуточку.

Глава 2

Мнусь перед закрытой дверью в аудиторию и тревожно посматриваю на наручные часы.

Опоздала…

Для меня не впервые такая ситуация, но почему-то всегда стыдно. Дёргаю ручку аудитории и аккуратно просовываю голову в дверной проём. В эту же секунду ощущаю приятное облегчение и выдыхаю. Препода нет, в аудитории только мои одногруппники.

Натягиваю лямку рюкзака и уверенно вхожу внутрь, когда прямо в лоб мне ударяет шарик из скомканной бумаги, следом раздаётся громкий смех.

— Хахахах, — ржёт как последний индюк Васильев. — А кто это к нам пожаловал? Официантка?

— Заткнись, Васильев, — шиплю, кидая в ответ бумажный комок. — Двадцать лет, а как будто десять.

— Не базарь, слышь, — огрызается. — Иди лучше кофейку мне налей.

Останавливаюсь на ступеньках, осматривая аудиторию в поисках моей единственной подруги Оли. Большинство моих одногруппников — это детки богатеньких дядь, которым купили место в этом университете. Я же одна из немногих кто поступил на бюджет своими силами и благодаря своему таланту. Моя подруга как раз одна из таких как я.

— Рябова, оглохла? — снова пристаёт надоедливый одногруппник.

Я стараюсь его игнорировать, продолжая искать Олю взглядом, но из-за спины раздаётся другой, противный скрипучий голос. Это Светка, главная звёздочка университета. Длинноногая блондинка с силиконовой грудью.

— Вась, не трогай её, — говорит она с фальшивым сочувствием. — Человек с трёх работ бежит, пахать надо, чтобы семью прокормить. Где уж тут до учёбы, тем более до нормального вида.

Я чувствую, как по спине бегут мурашки. Значит, сегодня будут прикапываться не только к моему социальному статусу, но и к внешности. Сжимаю кулаки, ногти больно впиваются в ладонь.

— А правда, Ясь, — подхватывает ещё один «дружок» из их банды, Колян. — Ты бы хоть шмотки новые купила. Или на них денег жалко? Все деньги на бухло мамаши уходят?

В аудитории повисает гробовая тишина, всем неловко, но никто не вступается. Горло сжалось так, что не продохнуть. В висках застучало. С меня хватит. Просто хватит

Я резко разворачиваюсь, ослеплённая яростью, ничего не видя перед собой, но не рассчитываю траекторию.

Прямо за мной, поднимается по ступенькам с огромным стаканчиком латте в руке Виктория — одна из самых ярких и язвительных «принцесс» нашей группы.

Я врезаюсь в неё плечом.

Всё происходит мгновенно. Стаканчик вылетает из её рук. Крышка отскакивает, и поток горячего кофе с молоком обрушивается на её светлую, дорогую блузку и на мою простую футболку.

На секунду воцаряется тишина, а потом её пронзительный визг разрывает воздух.

— А-а-а-а! Ты психопатка! Смотри, что ты сделала! — кричит она, с ужасом разглядывая расползающиеся коричневые пятна на шёлке. Её лицо искажает гримаса ярости. — Это была новая блузка из Милана. Ты знаешь, сколько она стоит? Твоей месячной зарплаты не хватит!

— Да откуда ей знать, она в сэконде закупается, — поддерживает подругу Светка.

Я стою в ступоре, чувствуя, как горячая, липкая жидкость просачивается через ткань и обжигает кожу. По аудитории прокатывается шёпот и сдержанные смешки. Васильев и его компания просто рыдают от смеха, добившись нужного им шоу.

В глазах темнеет от унижения и бессильной злости. Я смотрю на свою испачканную футболку, на визжащую Викторию, на смеющихся однокурсников. И в этот самый момент, когда кажется, что дальше уже некуда, дверь в аудиторию открывается.

В проёме появляется мужчина в идеально сидящем тёмно-сером костюме. Он высок, его осанка и властный взгляд мгновенно заставляют замолчать даже Васильева.

Тишина становится абсолютной.

Его взгляд скользит по аудитории, задерживается на рыдающей Виктории, на моей испачканной одежде, на моих пылающих щеках.

— Похоже, я пропустил самое интересное, — уголки его глаз приподнимаются в хитрой улыбке.

Глава 3

Оценивающий взгляд мужчины скользит с Виктории на меня и обратно.

— Дамам, я думаю, стоит привести себя в порядок. Остальным — занять места. Лекция начинается.

Виктория, всхлипывая, с ненавистью бросает на меня взгляд и, прижимая ладонь к пятну на блузке, выбегает из аудитории. Я чувствую, как десятки глаз впиваются в мою спину, пока я иду к своему месту в конце ряда. Пятно на моей футболке небольшое, нет смысла пытаться его сейчас оттирать в уборной.

Пока преподаватель расставляет свои материалы на столе, дверь распахивается, и в аудиторию врывается запыхавшаяся Оля. Бегло кивнув преподу, она пулей пролетает к нашему общему столу и плюхается на стул рядом.

— Думала задохнусь, пока бежала, — она достаёт из сумки бутылку с водой и жадно отпивает половину.

— А что случилось? Проспала? — интересуюсь у подруги, вскинув брови.

— Ага, — немного отдышавшись она окидывает меня взглядом и хмурится. — А с тобой что стряслось, Яська?

— Потом расскажу, — тихо бурчу я, утыкаясь взглядом в стол.

В это время препод поднимается за кафедру и стуком ладони по столу привлекает к себе внимание.

— Добрый день, аудитория, меня зовут Глеб Николаевич Орлов. В этом семестре я буду преподавать у вас визуальные коммуникации.

Делает паузу, окидывая аудиторию серьёзным взглядом.

— В обычной жизни я руковожу собственной IT-компанией. И по секрету скажу: мы постоянно ищем талантливых графических дизайнеров. Так что считайте, что у вас появился шанс проявить себя. Для меня и моей команды.

По аудитории проносится возбуждённый шёпот. Даже Васильев и его компания затихают, заинтересованно выпрямившись. Оля хватает меня за руку под столом и сжимает её от восторга.

— Боже, Ясь, — шепчет она, склонившись ко мне, пока Глеб Николаевич начинает рассказывать о программе курса. — Ты только посмотри на него! Костюм сшит на заказ, часы дорогущие... и главное — ни кольца, ни намёка на то, что он женат.

Я украдкой смотрю на него. На вскидку ему от тридцати двух до тридцати пяти лет. Он говорит уверенно, без лишних слов, его жесты точны. Да, он чертовски привлекателен. Но не той вычурной красотой, как у моделей из глянца, а сильной, мужской харизмой.

— Забудь, — фыркаю я в ответ Оле, хотя сама не могу отвести от него взгляд. — Смотри, кто мы, а кто он. У нас с тобой нет шансов.

— Мечтать не вредно! — подталкивает она меня локтем.

Мои пальцы сами тянутся к блокноту. Я открываю его на чистой странице и провожу несколько лёгких линий. Сначала контур плеч, затем — уголок кафедры, за которую он опёрся. Я стараюсь поймать его позу, ту самую властную осанку. Рисую быстрые, уверенные штрихи, намечая складки на пиджаке, линию скулы, собранный взгляд. Я так увлекаюсь, стараясь передать его сосредоточенность, что не замечаю, как он замолкает и начинает медленно обходить аудиторию.

Тень падает на мой блокнот. Замираю.

Он останавливается рядом со мной и наклоняется.

— Очень... живо, — произносит он так, что слышу только я.

Молчу, ожидая, что он пройдет дальше. Но вместо этого он неожиданно мягко вынимает карандаш из моих онемевших пальцев. Его мизинец на долю секунды касается моей руки. Прикосновение короткое, как удар тока, от которого по всему телу бегут мурашки.

— Позвольте покажу один нюанс, — от его тихого шёпота по телу пробегают мурашки.

Он наклоняется к моему блокноту. От него пахнет дорогим парфюмом с нотками чёрного перца.

Одним точным, уверенным движением мужчина проводит единственную линию — более жирную, более уверенную — по контуру пиджака на рисунке.

— Акцент, — тихо говорит он, возвращая карандаш и кладя его на бумагу. — Он создает фокус. И добавляет... характер.

Он выпрямляется, и его взгляд на мгновение встречается с моим. Засмущавшись, я тут же опускаю глаза в пол.

— Старайтесь не пропускать теорию, — добавляет он уже громче, обращаясь ко всей аудитории, продолжая свой обход.

Я смотрю на свой рисунок. Одна-единственная линия, которую он провел, изменила всё. Она сделала набросок сильнее, увереннее.

Глава 4

После пары мы с Олей пробиваемся в студенческую столовую. Воздух густой от пара, запаха жаренных пирожков и свежеиспечённых булочек. Покупаем у розовощёкой улыбчивой буфетчицы чай и пару пирогов с картошкой.

— Ну, рассказывай! Что там было до меня? — требует Оля, отпивая чай из бумажного стаканчика.

Я, сгорбившись над своим пирожком, коротко пересказываю утренний кофейный апокалипсис. Оля слушает, широко раскрыв глаза.

— Да они вообще охренели! — возмущенно шепчет. — Про маму... это уже за гранью. Надо было ему по яйцам дать, этому Коляну!

— Ага, и сразу вылететь с бюджета, — мрачно отвечаю я. — Тогда уж точно Ксюше лекарств не видать.

Замолкаю, мысленно подсчитывая в голове сколько ещё нужно достать денег, чтобы купить сестре лекарства на следующий месяц.

— А новый-то... Глеб Николаевич... — Оля мечтательно вздыхает, прерывая мои мысли. — Он на тебя, кстати, несколько раз посмотрел. После того как к тебе подошел.

— Не выдумывай, — отмахиваюсь я, но щеки предательски начинают гореть. — Он просто проверял, не рисую ли я еще.

— Ну да, ну да, — подмигивает Оля.

Я уже готова ей что-то колкое ответить, как наш стол накрывает тень. Перед нами стоит Васильев, а за его спиной ухмыляются Колян и Светка.

— Что, Рябова, бюджетный обед? — презрительно щурится он. — Пирожок за пятьдесят рублей и чай из пакетика? Безобразие. На зарплату официантки даже в столовой нормально не поесть.

— Васильев, отстань, — устало говорю я, не глядя на него.

— А я вот не отстану, — он упирается руками в наш стол, наклоняясь ко мне. — Ты блузку Вики испортила. Она плачет в туалете. Собирай свои гроши и компенсируй.

— Сама она себе её облила! — вскакивает Оля. — Яся просто рядом стояла!

— Не стояла, а вертелась как шальная, — вступает Света.

Я сжимаю стакан так, что костяшки пальцев белеют.

— Сколько? — срывается у меня вопрос, от которого тут же становится тошно.

Васильев усмехается.

— Пять тысяч за химчистку.

У меня в кошельке тысяча рублей до конца недели. Ком в горле растет с каждой секундой.

— Вам заняться больше не чем? — раздается спокойный, знакомый голос.

Мы все разом поворачиваемся. Глеб Николаевич стоит в нескольких шагах, держа в руках бумажный стаканчик с кофе. Он не выглядит сердитым. Его выражение лица — такое же, как на лекции: аналитическое, немного отстраненное.

— Глеб Николаевич, это не ваше дело... — начинает Васильев, но тут же умолкает под взглядом преподавателя.

— Во-первых, студент Васильев, это моё дело, когда в учебном заведении занимаются откровенным вымогательством, — говорит Глеб ровным тоном, подходя ближе. — Во-вторых, стоимость блузки, не является основанием для компенсации, если инцидент был случайным и спровоцирован вашими же оскорблениями. Я всё слышал.

Васильев открывает и закрывает рот в поисках нужных слов.

— А в-третьих, — Глеб делает паузу и поворачивается ко мне. Его взгляд скользит по моему лицу, по испачканной футболке, по скромному пирожку на тарелке. — В-третьих, Есения, вам не за что извиняться. И уж тем более — платить.

Он переводит взгляд на Васильева.

— Я предлагаю вам и вашим друзьям удалиться. И если я ещё раз услышу что-то подобное, мы решим этот вопрос на уровне ректората. С понятными последствиями для вашего дальнейшего обучения. Я доступно объяснил?

Васильев, не говоря ни слова, кивает и, бросив на меня злобный взгляд, отступает вместе со своей свитой.

Глеб Николаевич переводит на меня взгляд.

— Не позволяйте никому так с вами общаться, — говорит серьёзным тоном. — Вы этого не заслужили.

Он разворачивается и уходит, оставив меня с перехваченным дыханием и Олей, которая тихо ахает.

— Боже... — выдыхает она. — Он тебя... защитил.

Глава 5

— Двойной американо с собой, — бросает молодой человек, не отвлекаясь от своего телефона.

Быстро пробиваю на кассе заказ и принимаюсь готовить кофе. Автоматические движения: промыть группу, вставить холдер, нажать кнопку. Горячая струя тёмного напитка наполняет стаканчик. Я протягиваю его клиенту. Он берет, даже не взглянув, и тут же отдергивает пальцы.

— Чёрт! — его лицо искажается брезгливой гримасой. — Горячо!

— Простите, я... — я тянусь за бумажным стаканчиком-дублером, чтобы переложить его, но он уже с силой швыряет первый стаканчик в мусорное ведро.

— Новый сделай, и быстрее, я опаздываю! — огрызается он.

Я молча готовлю новый, стараясь дышать глубже. «*Просто рабочий момент. Всякое бывает*». Но внутри всё сжимается в тугой, болезненный комок.

Как по злому року, из кабинета появляется администратор Марина.

— Ясь, можно на пару минут? — она кивает в сторону небольшого закутка за стойкой.

Спешно отдаю новый кофе клиенту и иду за администратором уже предчувствуя что-то неладное.

Марина скрещивает руки на груди:

— Вчера на тебя поступила жалоба. От клиентки. Говорит, что ты продала ей холодный капучино.

Я чувствую, как кровь отливает от лица.

— Марина, она... она даже не попросила переделать. Взяла стакан, сделала глоток прямо у стойки, сказала «холодная гадость», бросила его в мою сторону и ушла. Я даже не успела ничего предложить...

— Яся, клиенты бывают разные, — вздыхает Марина. — Но они платят деньги. И их слово — закон. Ты стала часто отвлекаться, витать в облаках. Если жалобы повторятся, руководство заставит выписать тебе штраф. Я не смогу ничего поделать.

В груди неприятно колит и желудок скручивается в тугой узел от нервов. Только штрафов мне сейчас не хватало. Мойи без того тощий кошелек сжимается до размеров игольного ушка.

— Я поняла, — выдавливаю, чувствуя, как подступают слезы. — Больше такого не повторится.

Возвращаюсь за стойку и беру в руки керамическую кружку с недопитым чаем. Внутри всё неприятно сжимается от невысказанных эмоций, от внутренней боли и усталости.

Мои пальцы сдавливают кружку с такой силой, будто хотят раздавить в порошок весь этот день, всю эту несправедливость.

И вдруг — резкий, сухой хруст.

Я с ужасом смотрю на две половинки кружки в своих ладонях. А потом чувствую острую, режущую боль. По внутренней стороне ладони, от большого пальца к запястью, зияет неглубокий, но длинный порез, из которого густо сочится алая кровь.

— Ой! — только и выдыхаю я.

Схватив со стойки бумажные салфетки, я кидаюсь в служебный туалет, прижимая их к ране. Дверь щелкает, и я, наконец, остаюсь одна в тесной, освещенной холодной лампой кабинке.

Прислонившись лбом к прохладной двери, я отнимаю окровавленную салфетку. Кровь течет обильно, смешиваясь с пылью и слезами, которые, наконец, льются из глаз. Я не могу сдержаться. Это не просто физическая боль. Это боль от безысходности.

Всё против меня. Одногруппники, злые клиенты, строгий админ, болезнь сестры, мамино горе, вечная нехватка денег... Кажется, весь мир ополчился на меня одну. Я плачу тихо, без рыданий, давясь солеными слезами и смахивая их тыльной стороной не пораненной руке. Я так устала быть сильной. Так хочется, чтобы кто-то взял и просто прижал к себе, сказав, что всё будет хорошо.

Через несколько минут я выдыхаю, смываю с лица следы слёз и крови. В аптечке нахожу пластырь и стерильный бинт. Неумело, но туго заматываю ладонь. Боль стихает, сменяясь тупой, пульсирующей тяжестью. Я смотрю на свое отражение в зеркале: заплаканные глаза, бледное лицо, перевязанная рука. Жалкое зрелище.

Выйдя за стойку, я снова становлюсь бариста Ясей. Клиенты идут один за другим. Я готовлю кофе, улыбаюсь, беру деньги. Но внутри — пустота.

В редкие минуты затишья я достаю из-под стойки свой блокнот и карандаш. Правая рука плохо слушается, линии выходят кривыми, дрожащими. Но я упрямо вожу грифелем по бумаге. Рисую большое окно. А за ним — осенний парк. Желтые листья, серое небо, пустые скамейки. Пейзаж одиночества и тишины. Того, о чем я так отчаянно мечтаю. Просто посидеть на скамейке одной, без мыслей о долгах, работе и болезнях. Ничего не делать. Просто смотреть, как падают листья.

Я так углубляюсь в рисунок, что не замечаю, как в кофейню входит новый посетитель. Его тень снова падает на мой блокнот, как сегодня в аудитории.

— Опять рисуешь? — слышу мягкий голос Глеба Николаевича и смущённо поднимаю на него глаза.

Глава 6

Инстинктивно прикрываю рукой свой рисунок в блокноте и быстро хлопаю длинными ресницами.

— Простите, — выдавливаю из себя.

— Тебе не за что извиняться, — уголки его губ приподнимаются в улыбке. — Даже по такому быстрому наброску, видно руку. Настоящий талант не спрятать.

От его слов по телу разливается тепло, противостоящее ледяному комку обиды внутри. Я чувствую, как краснею, и ненавижу себя за эту слабость.

— Я... просто люблю рисовать. С детства.

— Я понимаю. Я и сам в свое время много рисовал. Масло, в основном. Теперь только для себя, для души.

Мой внутренний скептик тут же поднимает голову. Успешный IT-предприниматель, пишущий маслом? Звучит как что-то из нереальное.

— Ван Гог говорил, что «живопись — это вера», — осторожно произношу я, проверяя почву.

Его глаза вспыхивают интересом. Он облокачивается на стойку, сокращая дистанцию, между нами.

— «...и в основном это вера в то, что ты являешься частью чего-то большего». Вы цитируете его письма к Тео? — он смотрит на меня с новым, глубоким уважением. — Редко встретишь студента, который знает такие детали. Обычно все ограничиваются «Звездной ночью».

— Мне ближе его ранние работы, — говорю я, забыв на секунду о кофемашине, о клиентах, о боли в руке. — «Едоки картофеля». Там столько... правды. Не приукрашенной жизни.

— Грубой, настоящей жизни, — кивает он. — Той самой, которая и рождает настоящее искусство, а не декоративные безделушки. Вы это чувствуете. Это ценно.

Мы молчим несколько секунд, и это молчание наполнено пониманием, которого мне так не хватало. В эти мгновения я не бедная студентка с проблемами, а просто человек, говорящий с другим человеком на одном языке.

— Позвольте я тогда предложу вам кофе, — наконец выдавливаю из себя, чувствуя, что обязана вернуться к работе.

— Капучино, если не сложно, — отвечает.

Я киваю и поворачиваюсь к машине. Рука болит, но я сосредотачиваюсь, как никогда. Заливаю молоко в питчер, взбиваю пену до идеальной шелковистой текстуры. Аккуратно вливаю эспрессо, а затем, взяв зубочистку, быстрыми движениями создаю на поверхности простой, но изящный рисунок — контур палитры с кистями.

Ставлю кружку перед ним и задерживаю дыхание. Он смотрит на пену, и по его лицу расплывается широкая, настоящая улыбка. Она полностью меняет его лицо, снимая маску строгого преподавателя и открывая человека с легкими морщинками у глаз.

— Палитра? — уточняет он, поднимая на меня взгляд.

— Немного банально, — смущенно бормочу я.

— Совсем нет. Это идеально, — он подносит кружку к губам, не нарушая рисунок. — Спасибо. Теперь я не буду вас отвлекать от работы.

Он берет свой ноутбук и устраивается за небольшим столиком в углу, в нескольких метрах от стойки. Но его присутствие я чувствую каждой клеточкой. Щеки горят огнем, а в животе порхают настойчивые, сбивающие с толку бабочки. Я пытаюсь сосредоточиться на клиентах, на заказе, на кассовом аппарате, но мой взгляд раз за разом самопроизвольно скользит в его сторону. Он погружен в работу, его пальцы быстро стучат по клавиатуре, профиль кажется сосредоточенным и серьезным.

«Остановись, дура, — строго говорю себе. — Он твой преподаватель. И он из другого мира».

Но сердце не слушается. Оно помнит его прикосновение в аудитории, его защиту в столовой, его заинтересованный взгляд сейчас.

Тишину разрывает вибрация телефона в кармане брюк. Я машинально достаю его, и кровь стынет в жилах. На экране — «Ксюша».

Она никогда не звонит мне во время смены. Никогда. Зная наш график, она всегда терпеливо ждет моего возвращения.

Глава 7

Дрожащей рукой я подношу телефон к уху, предчувствуя недоброе.

— Ксюш? Что случилось?

Из трубки доносится прерывистый, задыхающийся шепот, полный слез и паники.

— Ясь... Маме... маме плохо. Она с утра заперлась в комнате и... и пьёт. Я вернулась из школы, а она рыдает, потом смеётся, что-то кричит про папу... Я боюсь!

Сердце падает куда-то в пятки, оставляя в груди ледяную пустоту. Нет. Как же не вовремя! Мама, ну зачем ты так с нами?

— Ксюш, слушай меня внимательно, — говорю я, стараясь вдохнуть в голос хоть каплю уверенности, хотя сама готова разрыдаться. — Всё будет хорошо. Я сейчас же выезжаю. Ты слышишь? Я уже еду.

Кладу трубку и замираю на месте, тупо глядя на заляпанную кофе стойку. Мир сужается до одной точки: до дома, где моя маленькая сестра в ужасе, а мама... Мама опять сорвалась.

— Есения? — Я вздрагиваю. Глеб Николаевич стоит напротив и пристально вглядывается в моё лицо. — Что-то случилось? Вы побледнели.

— Эм... семейные трудности, — выдавливаю я, сжимая перевязанную ладонь. — С мамой беда. Мне нужно домой, срочно. Но до конца смены...целых два часа, — Я с отчаянием оглядываюсь на почти полный зал.

Я не вижу другого выхода. Подбегаю к своей напарнице, Дашке, которая сегодня обслуживает столики.

— Даш, умоляю, прикрой меня! У меня дома ЧП, маме плохо. Я завтра отработаю за тебя, в любое время! Просто скажи Марине, что мне стало дурно, что угодно! Прошу тебя.

Даша смотрит на мое перекошенное лицо, на дрожащие руки и после недолгой паузы кивает.

— Ладно, беги, от тебя в таком состоянии только проблемы будут.

Я бросаюсь собирать свои вещи за стойкой, как вдруг снова слышу спокойный голос Глеба.

— Я подвезу вас. У меня машина рядом. И если нужна какая-то помощь... медицинская...

Я замираю. Принять помощь от преподавателя? Сесть в его машину? Это переходит все границы. Но Ксюшин испуганный голос в трубке звучит в ушах громче любого голоса разума.

— Да... — тихо говорю я, почти не веря себе. — Спасибо.

Направляю сестре сообщение: «Выехала. Минут 20. Держись, родная». Внутри всё клокочет.

«Опять. Опять всё в самое неподходящее время. Лишат премии, теперь точно, и где брать деньги на лекарства, на еду…»

Мы выходим на улицу. Глеб Николаевич подходит к здоровенному темному внедорожнику, открывает пассажирскую дверь. Я проваливаюсь в кожаное кресло, и меня обволакивает приятный запах его парфюма и чистоты салона.

— Адрес? — коротко спрашивает он, заводя мотор.

Я диктую, глядя в окно на мелькающие огни. В салоне тихо, только ровный гул мотора.

— Если нужно в больницу — скажи, — снова нарушает он молчание.

— Нет, вряд ли... — я сжимаю руки в замок на коленях. — Просто... у сестры болезнь серьёзная. Легочная гипертензия. Ей нельзя нервничать, это опасно. А мама... мама иногда не выдерживает. — Я закусываю губу, не в силах произнести вслух слово «запой».

— Я понимаю, — мягко говорит он. — Сложно, когда на тебе всё.

От его слов в горле снова встает ком. Да. Именно так. На мне всё.

Он подъезжает к моему дому, к знакомому серому пятиэтажному зданию с облупившейся штукатуркой.

— Спасибо вам огромное, Глеб Николаевич, — лепечу я, уже хватаясь за ручку двери.

— Есения, — он останавливает меня, достав из внутреннего кармана пиджака блокнот, отрывает листок и что-то быстро пишет. — Мой номер. Позвони, если что-то будет нужно. Всё что угодно.

Я беру теплый от его рук клочок бумаги, чувствуя, как по щекам разливается краска. Это уже выходит за все рамки.

— Спасибо, — еще раз шепчу и выскакиваю из машины, почти не помня себя.

Влетаю в квартиру. Картина, которая открывается мне, вышибает остаток воздуха. Мама сидит на полу на кухне, прислонившись к холодильнику. Распущенные волосы, заплаканное лицо. Она то тихо смеется, то рыдает, размазывая тушь по щекам. Рядом на полу — пустая бутылка.

— Мама... — падаю перед ней на колени, обнимаю её, прижимаю к себе. Она вся дрожит. От неё пахнет вином и горем. — Мамочка, всё хорошо, я здесь. Всё хорошо.

Я глажу её по волосам, по спине, как когда-то в детстве она гладила меня. В глазах стоит пелена, но я не плачу. Сейчас нельзя.

— Ксюш, — бросаю сестре, которая стоит в дверях, бледная как полотно, — выброс всё, что есть из спиртного. И принеси, пожалуйста, мамины капли и стакан воды.

Пока Ксюша бежит, я продолжаю держать маму, тихо шепча ей утешительные слова. Она всхлипывает, уткнувшись лицом в мое плечо.

— Прости, Ясенька, прости... — бормочет она. — Нервы... На работе вчера... выговор... Не справляюсь...

— Ничего, мам, ничего страшного, — говорю я, и сама удивляюсь, откуда во мне этот спокойный, взрослый тон. — Мы справимся. Всегда справлялись.

С помощью Ксюши удается уговорить маму выпить капли и уложить её в постель. Она почти сразу проваливается в тяжелый, беспокойный сон. Я сижу на краю кровати, держа её горячую руку в своей, и смотрю на её осунувшееся лицо. Злость куда-то ушла, осталась только усталая, бесконечная жалость.

И тут в тишине раздается тихий щелчок — смс на мой телефон.

Достаю его. Незнакомый номер.

«Есения, это Глеб Орлов. Узнал ваш номер в деканате. Всё ли хорошо?»

Я смотрю на эти строки, потом на спящую маму, на Ксюшу, которая робко жмется в дверях. И впервые за этот бесконечный день чувствую, что я не одна в этой борьбе. Что кто-то, пусть оттуда, из другого мира, простирает руку, чтобы помочь.

И это чувство одновременно пугает и дает какую-то крошечную, хрупкую надежду.

Глава 8

— Внимание, группа, — голос Глеба Николаевича, ровный и властный, разрезает гул в аудитории. — Объявляю конкурс. Срок — одна неделя.

На мгновение воцаряется тишина, а потом его слова повисают в воздухе.

— Моя компания запускает новое мобильное приложение для психологической поддержки. Называется оно «Тихая Гавань». Ваша задача — разработать логотип и визуальную концепцию для стартапа. Главные критерии: доверие, спокойствие, безопасность и современность. Автор лучшей работы получит не просто «пять» в зачётку, а приглашение на стажировку в мою команду с реальным, а не учебным проектом. И, разумеется, с перспективой трудоустройства для самого упорного и талантливого.

По аудитории проносится взволнованный шёпот. Васильев выпрямляется на стуле, а Виктория тут же открывает планшет, начиная лихорадочно что-то искать.

— Неделя — срок жёсткий, — продолжает Глеб, обводя взглядом аудиторию. — В реальном мире дедлайны не ждут. Умение работать в них — такой же навык, как и умение рисовать.

Оля тут же хватает меня за локоть под столом, её глаза горят.

— Ясь, слышишь? Это наш шанс! Наконец-то выбраться из этой серости и показать себя!

— Да, — киваю я, но внутри всё сжимается в холодный комок. «Логотип для приложения... Доверие, спокойствие...» В моей голове тут же рождаются образы: уютный свет в окне, приглушённые тона, плавные линии. Но следом накатывает привычная волна сомнений. «А вдруг это ерунда? Вдруг я ничего стоящего не придумаю? Они все такие уверенные в себе, а я...»

В этот момент в кармане брюк тихо вибрирует телефон. Украдкой, под партой, я достаю его. Сообщение от Ксюши.

«Ясь, не пугайся. Сейчас на литературе резко дышать тяжело стало. Но я сразу выпила таблетку, всё прошло. Сейчас уже хорошо, всё в порядке. Скоро домой пойду ❤#»

Кровь стынет в жилах. Мой мир на секунду сужается до этих строк. «Резко дышать тяжело стало». Это же кризис. Лёгкий, купированный, но криз. Я сжимаю телефон так, что костяшки белеют, и заставляю себя сделать глубокий вдох.

Мне просто необходимо победить в конкурсе и получить эту работу! Зарплата там куда больше, чем официанткой в маленькой кофейне. Эти деньги — не просто возможность купить новые джинсы или поесть в кафе. Эти деньги — стабильные, дорогие лекарства для Ксюши. Возможность не ждать, пока «станет тяжело дышать», а предотвратить это. Возможность дать ей не просто жизнь, а жизнь без постоянного страха.

Глеб начинает разбирать успешные кейсы, и его взгляд, как заведённый, раз за разом находит меня. В первый раз — быстрый, оценивающий. Во второй — чуть более долгий, заинтересованный. А в третий... В третий раз, когда он объясняет психологию восприятия цвета, его взгляд просто застревает на мне. Он на секунду теряет нить мысли, и на его губах появляется лёгкая, почти незаметная улыбка, предназначенная явно не логотипам и не цветам. У меня аж дыхание перехватывает от его внимания.

— Божечки, вы видели? — сзади раздаётся приглушённый, восторженный шёпот Светки. — Он просто бог! Посмотрите на его руки, когда он слайд переключает... Такие пальцы, я представляю, что они могут...

— А машину его видела? — подхватывает Виктория, снисходительно усмехаясь. — Тёмный Range Rover, последняя модель. Он мужчина, который знает, чего хочет. И я точно знаю, чего хочу я.

И когда Глеб снова поднимает глаза и смотрит в нашу сторону, Виктория, поймав его взгляд, принимает его на свой счёт. Она выпрямляется, томно взмахивает ресницами и издаёт

тихий, довольный писк, будто поймала на крючок самого завидного трофея. А он, даже не заметив её, через мгновение переводит взгляд на меня.

Звонок обрывает пылкие фантазии моих одногруппниц. Все с шумом начинают собираться. Я торопливо сую блокнот в рюкзак, в голове уже роятся образы — волны, птицы, убежища, — но его голос настигает меня у самой двери.

— Есения, на минуточку.

Я замираю. Медленно разворачиваюсь. Глеб Николаевич стоит у стола, опершись на него ладонями.

— Всё в порядке? — спрашивает тихо. — После вчерашнего? С мамой?

— Всё прекрасно, — говорю я, и мой голос звучит холодно и отстранённо, будто я отвечаю незнакомцу. Я вижу, как его лицо на долю секунды становится каменным. Лёгкая улыбка исчезает. — Вам не о чем беспокоиться, Глеб Николаевич. Спасибо.

— Есения! — слышу я его оклик в спину, уже в коридоре.

Но я не оборачиваюсь и поскорее убегаю за угол. Меня пугает его внимание ко мне… Этого никто не должен видеть, иначе насмешек не избежать.

— Ясь, погоди! — Оля догоняет меня, запыхавшись. — Ты чего так? Он же просто по-человечески спросил.

— Знаю, — срывается у меня. — Просто... сейчас не до этого. Нужно работать.

— Ладно, не кипятись, — Оля берет меня под руку. — Давай лучше о конкурсе думать. Идеи уже есть?

— Вроде парочку в голове уже придумала, — пожимаю плечами и ухожу вперёд.

Глава 9

В студенческой столовой пахнет жареной картошкой и пирожками. Я вяло ковыряю вилкой в тарелке с макаронами, а большим пальцем другой руки листаю на телефоне сайты с вакансиями. «Курьер», «Расклейщик объявлений», «Уборщик»... Зарплаты мизерные, графики невозможные. Ком в горле растет. Лекарства Ксюши заканчиваются послезавтра.

— Язву себе с таким питанием заработаешь, — голос Оли возвращает меня в реальность. Она садится напротив, отодвигая мою тарелку. — Слушай, я тут кое-что увидела. Может, тебе подойдет.

Я с надеждой поднимаю на нее глаза.

— Что?

— В «Палас-отеле» загородом завтра вечером встреча инвесторов, светская вечеринка. Срочно нужны официантки. На один вечер. Платят... — она называет сумму, от которой у меня перехватывает дыхание. Этого хватит не только на лекарства, но и чтобы отложить немного на следующий месяц.

— Ты серьезно? — выдыхаю я.

— Абсолютно. Держи номер, звони, говорят, там мест мало уже. — Оля протягивает мне листок.

Я выбегаю в коридор и, дрожащими пальцами, набираю номер. Мне отвечает женщина с холодным, деловым голосом.

— Возраст? Рост? Вес? — сыпет она вопросами.

— Извините? — не понимаю я. — При чем тут рост и вес?

— Девушка, это светское мероприятие высшего уровня. Внешний вид обслуживающего персонала — часть общего впечатления. Все девушки должны быть конфетками. Так что рост и вес?

Я чувствую, как внутри всё сжимается от унижения, но мысленно прикидываю сумму. И называю свои параметры.

— Подходите, — заключает она. — Завтра к семи вечера в «Палас-отеле». Черное строгое платье, короткое, выше колена. Каблуки. Предоплата на месте, расчет сразу после мероприятия.

Я возвращаюсь к столу, чувствуя себя одновременно грязной и счастливой. Но я же просто поработаю официанткой один вечер, в этом нет ничего плохого.

— Спасибо, Оль, ты меня спасла! — говорю я искренне. — Но... Там нужно чёрное платье и каблуки. А у меня ничего из этого нет.

— Не беда! — машет она рукой. — У меня как раз есть одно, почти новое. Как раз твоего размера. Завтра перед работой заскочишь ко мне, примеришь.

Радостно обнимаю Олю и благодарю её за поддержку.

Хоть что-то хорошее в жизни произошло и на том спасибо.

Вечер дома на удивление спокоен. Ксюша, румяная после прогулки, делает уроки на кухне. Из комнаты доносится запах тушенки с гречей — мама сегодня встала с постели, сходила на работу и даже приготовила ужин.

— Ясь, иди есть, пока не остыло! — зовет она.

— Сейчас, мам! — кричу я в ответ, не отрываясь от планшета.

Я сижу на полу, окруженная распечатанными референсами — волны, птичьи крылья, абстрактные завитки, символизирующие покой. В голове крутится название — «Тихая Гавань». Это должно быть что-то простое, элегантное, что-то, что вызывает мгновенное чувство защищенности.

И тут меня осеняет. Я начинаю рисовать стилизованную птицу в полёте, но не агрессивную, а плавно заходящую на посадку. Ее крыло, изогнутое в форме полумесяца, одновременно напоминает и защитный кокон, и волну, накатывающую на берег. Никаких резких линий, только плавные и дышащие. Я делаю несколько вариантов — один более абстрактный, другой — более узнаваемый. Цветовая гамма — глубокий синий цвет ночного неба и мягкий, теплый перламутровый, как цвет утренней зари.

— Да, отлично, — думаю я, с азартом работая над деталями. — В этом месяце обеспечу Ксюшу лекарствами благодаря этой халтуре в отеле. А в следующем... если всё получится я уже буду работать у Глеба Николаевича. У меня будет стабильная зарплата. Мы сможем купить Ксюше тот самый дорогой препарат, а не его дешевый аналог.

Мысли путаются, глаза слипаются, но я не могу остановиться создавать логотип. Стираю, перерисовываю, опять стираю и так до бесконечности. Я должна сделать это идеально. Этот логотип — уже не просто творчество. Это мой трамплин в другую жизнь.

Сознание отключается рывком. Я просыпаюсь от собственного храпа, когда отказывает шея. На часах — четыре утра. Экран планшета тускло светится в темноте, показывая почти готовый, отполированный логотип «Тихой Гавани». Птица-волна-убежище. Идеально.

Я с трудом добираюсь до кровати и проваливаюсь в сон, как в пропасть.

Глава 10

Воздух в комнате Оли пропах ароматом духов. Не тех, что покупают в подземном переходе, а дорогих, из модных бутиков. На её кровати с шелковым покрывалом лежат три черных платья разной длины и кроя.

— Ну, давай же, Золушка, примерим хрустальные туфельки! — Оля звонко смеется, подхватывая самое дерзкое из них — узкое, как вторая кожа, без рукавов и с вырезом на спине.

Я скептически хмыкаю, позволяя ей приложить платье ко мне. Прохладный шелк скользит по коже, заставляя меня вздрогнуть.

— Оль, я в этом как... — я замолкаю, не находя сравнения.

— Как богиня! — завершает она за меня. — Смотри! А ты говорила — «простушка»! Тебе просто нужно перестать носить эти твои джинсы, футболки. Начни носить платья, каблуки, и ты увидишь, как мир запоет для тебя по-другому. Мужики будут оборачиваться.

— В моем-то ритме жизни? — я качаю головой, с неловкостью теребя непривычно короткий подол. — Бегать от пар к смене в кофейне, потом домой, к Ксюше... Таскать ее лекарства и продукты на каблуках? Звучит как сюжет для черной комедии, а не для моей жизни.

Мы примеряем все три наряда. Останавливаемся на компромиссном варианте — самом строгом фасоне, но с коварным разрезом, доходящим до середины бедра.

«Хотя бы спина прикрыта», — утешаю я себя.

— Теперь макияж! — объявляет Оля, и прежде, чем я успеваю возразить, она усаживает меня на табурет перед своим туалетным столиком, заставленным хрустальными флаконами.

Пока она водит по моему лицу кистями и спонжами, я закрываю глаза, пытаясь заглушить внутренний голос, который нашептывает, что все это неправильно. Запах пудры и праймера заполняет ноздри. Через некоторое время она удовлетворенно хлопает в ладоши.

— Иди, посмотри на себя!

Чтобы увидеть результат во всей красе, я иду в ванную. Свет там безжалостно яркий. Я умываюсь, смывая часть слоя, и наношу свой, скромный минимум — тональный крем, чтобы скрыть синеву под глазами, тушь, чтобы хоть как-то выделить уставшие глаза, и прозрачный блеск на губы. Так я чувствую себя менее уязвимой.

Когда я возвращаюсь в комнату, я застываю на пороге. Оля стоит спиной ко мне, склонившись над моим рюкзаком, который лежит на полу. Ее плечи напряжены, а рука совершает какое-то быстрое движение. Раздается резкий, металлический щелчок застегивающейся молнии.

— Что ты делаешь? — мой голос звучит резче, чем я хотела.

Оля вздрагивает и резко выпрямляется, разворачиваясь ко мне с слишком широкой, слишком быстрой улыбкой.

— А? Да ничего! — она смеется. — Твой рюкзак стоял на пути, я задела его ногой и уронила. Всё высыпалось. Я просто собрала и застегнула. Всё на месте, не переживай!

Мой взгляд скользит с ее раскрасневшегося лица на старый, потертый рюкзак, затем обратно на нее. Я трясу головой и возвращаюсь к подготовке к сегодняшнему вечеру.

— Ладно, — пожимаю плечами. — Спасибо, что всё сложила на место.

Приходит время окончательного превращения. Я надеваю черные чулки, с трудом натягивая их, чтобы не порвать, и встаю на высоченные, невероятно неудобные лодочки. Оля помогает застегнуть платье. Последним штрихом я распускаю волосы, и они тяжелой волной падают на плечи.

В полный рост я вижу себя только в большом зеркале в прихожей. Отражение чужое. Стройная, высокая девушка в черном, откровенном платье. Шелк мягко ложится по изгибам

тела, которое я привыкла прятать. Каблуки меняют походку, заставляя бедра двигаться плавно, соблазнительно. Распущенные волосы обрамляют лицо, делая его моложе и беззащитнее.

Она красива. По-взрослому, по-женски привлекательна.

Но потом мой взгляд падает на глаза. Глубоко посаженные, с фиолетовыми тенями недосыпа под ними. В них нет ни блеска, ни любопытства, ни жизни. Только усталость. Глубокая, проникающая в кости усталость, которую не могут скрыть ни платье, ни каблуки, ни даже самый искусный макияж. Я смотрю на эту незнакомку в зеркале и вижу, как она медленно, но верно гаснет, словно свеча, оставленная на сквозняке. Вся эта красота — лишь маскировка для истощения.

Я накидываю свой старый, бесформенный плащ, пряча наряд, как преступление. Благодарю Олю — слова даются с трудом, комом в горле, — и выскакиваю из квартиры.

Осень встречает меня на улице колючим ветром и мелким, противным дождем. Он не мочит, а лишь покрывает всё липкой, холодной пленкой. Желтые листья, мокрые и тяжелые, шлепаются под ноги, прилипая к тонким подошвам туфель. Я иду быстрым, нервным шагом к остановке, кутаясь в плащ, но холод проникает сквозь тонкий шелк платья. Я чувствую себя нелепой, уязвимой и абсолютно чужой в этом образе.

Сажусь в автобус и примерно на час погружаюсь в свои мысли.

«Палас-отель» возникает вдали как мираж — громада из стекла и света, отбрасывающая золотистое сияние на промокший вечер. Подъехав на автобусе, я застываю на мгновение перед вращающейся стеклянной дверью, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Войдя внутрь, я попадаю в другой мир. Воздух теплый, пахнет дорогими цветами и парфюмом.

Гулкая, почти соборная тишина поглощает звук моих шагов по мраморному полу. С потолка свисают хрустальные люстры, чьи подвески отбрасывают на стены миллионы радужных зайчиков.

Ко мне направляются двое: мужчина лет сорока в идеально сидящем темно-синем костюме, с лицом, не выражающим никаких эмоций, и девушка — платиновая блондинка с безупречным пучком и алыми, как свежая кровь, губами. Отмечаю, что её черный деловой костюм стоит больше, чем все мои вещи, вместе взятые.

Их взгляды, холодные и оценивающие, синхронно скользят по мне. С моих волос, на которых блестят капли дождя, до моего потрепанного рюкзака, нелепо смотрящегося в этой роскоши, и до моих туфель, на которых виднеются следы уличной грязи.

— Есения Рябова? — голос блондинки ровный, вежливый.

— Да, — отвечаю неуверенно.

— Подпишите, — она протягивает мне несколько листов бумаги, скрепленных степлером. — Стандартный договор. Конфиденциальность, правила поведения, материальная ответственность. И вот ваша предоплата.

Мужчина молча вручает мне плотный белый конверт. Я чувствую его вес, ощущаю под пальцами шершавую бумагу. Не глядя, сую конверт в рюкзак, в самый дальний карман, на молнию.

— Ваши задачи просты, — продолжает блондинка, глядя куда-то в пространство над моим плечом. — Обслуживать гостей. Разносить фуршет. Выполнять их просьбы. Улыбайтесь. Будьте приветливы и невидимы. Всё ясно?

— Да, — киваю, чувствуя, как краснею под ее взглядом. Я снова школьница, стоящая перед строгим завучем.

Меня провожают через лабиринт служебных коридоров в небольшую комнату с серыми металлическими шкафчиками — раздевалку для персонала. Там уже две девушки. Одна — с огненно-рыжими волосами, уложенными в сложную прическу, вторая — хрупкая блондинка, похожая на фарфоровую куклу. Они стоят у зеркала и поправляют макияж.

— ...ну, главное, не дрейфить, если что, — говорит рыжая, подводя губы алой помадой. — Если попросят пройти в номер, делаешь вид, что так и надо.

— Ага, сегодняшний вечер — наш золотой билет, — вторит ей блондинка, нанося хайлайтер на скулы. — Хоть кого-то с состоянием подцепить надо. Хватит уже на этих официантских работах перебиваться.

У меня в животе всё сжимается в ледяной ком.

— Простите, — переспрашиваю я, подходя ближе. — Что вы имеете ввиду под приглашением в номера?

Девушки оборачиваются, их взгляды, полные снисходительного любопытства, скользят по мне с головы до ног.

— А ты, милая, что думала? — рыжая иронично улыбается. — Здесь будут мужчины. Очень богатые мужчины. И их желания — закон. И если ты кому-то из них приглянешься, и он захочет... продолжить общение в более уединенной обстановке, — она многозначительно поднимает бровь, — ты не имеешь права ему отказать.

Мир качается. Пол уходит из-под ног.

— В смысле не смогу отказать?

— А ты свой контракт читала? — блондинка смотрит на меня с нескрываемым презрением.

Я медленно, с ужасом, качаю головой. Я так торопилась, так отчаянно нуждалась в этих деньгах... Текст на тех листах был для меня лишь формальностью, преградой на пути к заветному конверту. Я бегло пробежала его глазами и машинально подписала не вникая.

— Там черным по белому, — говорит рыжая. — Пункт 7.4. «В случае отказа сотрудника от выполнения обоснованной просьбы Приглашенного Гостя, сотрудник обязуется возместить Организатору неустойку в размере, трехкратно превышающем оговоренное вознаграждение». Проще говоря, если скажешь «нет» на любую просьбу гостя, ты должна будешь вернуть втрое больше, чем тебе заплатят.

Слова обрушиваются на меня с чудовищной, сокрушительной силой. Это не подработка. Это ловушка. Хорошо продуманная, юридически выверенная западня. По спине бегут ледяные мурашки. Я чувствую, как кровь отливает от лица, оставляя кожу мертвенной и холодной.

Голова кружится. Я чувствую приступ тошноты. Эти деньги в моем рюкзаке... они горят огнем. Они — цена моего унижения, моей безопасности, моего доверия. Я в ловушке. И мой единственный выход — пройти через этот кошмар или быть раздавленной долгом, который я никогда не смогу выплатить.

Я отступаю на шаг, прислоняюсь спиной к холодной стене и закрываю глаза, пытаясь заглушить панику, которая поднимается во мне черной, липкой волной.

Глава 11

Я застываю в полумраке служебного коридора, прижавшись спиной к холодной стене, и украдкой наблюдаю за рестораном. Дыхание замирает в груди.

Это не просто светский раут. Это маскарад.

Зал похож на сцену из кошмарного, но роскошного сна. По

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.